

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ МОЛЧАНИЯ И РЕЧИ

Н.О. Кириллова, О.Л. Данилова

*Лениногорский филиал Казанского национального исследовательского
технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ, г. Лениногорск, Россия*

В статье рассматривается взаимосвязь двух фрагментов речевой ситуации – молчания и речи, описывается их метафорическая репрезентация, намечается направление анализа межобразных связей в представлении денотата. Акцент в исследовании смещен в область интерпретации молчания. Это связано с тем, что при онтологической очевидности денотативной сферы молчания, её феноменология оказывается в известной степени вторичной и, как следствие, менее исследованной. В фокусе внимания авторов – метафорическая концептуализация денотата. Целостный образ представления звучащей речи, включающий репрезентацию взаимодействия речи – молчания, соотносится в статье с обратимыми фигурами гештальтпсихологии, актуализирующими сложные взаимоотношения между фоном и фигурой. Аналогия приводит к поиску репрезентации одного (центрального) или нескольких образов взаимодействия речи (фигуры) и не-речи, молчания (фона). В качестве центрального образа, репрезентирующего взаимосвязь речи и молчания, рассматривается пространственная метафора, конкретизирующаяся в разных направлениях и порождающая другие образы. Логика исследования приводит к выводу: если неметафорические языковые средства смещают акцент в область самой речи, то метафорическое осмысление взаимодействия речи и молчания онтологизирует оба феномена. Центральным для репрезентации этого аспекта речевого события является образ пространства, порождающий прежде всего соотношение образов пустоты – темноты – тишины, а также образов пространства и его преодоления (перемещения в пространстве).

Ключевые слова: метафорическое моделирование, гештальт, образ, лексическая системность, речевое событие, молчание, синония.

Логика научного описания речевой ситуации и её метафорическое моделирование обнаруживают многомерность структурирования этого фрагмента реальности и включают интерпретацию компонентов речевой деятельности (адресанта, адресата, речи), механизмы порождения и восприятия речи, разные типы диалогического взаимодействия и т. д.

Между тем из фокуса внимания научного описания обычно выпадает такой важный аспект, как взаимосвязь речи и её отсутствия – тишины, молчания (фона звучащей речи). При онтологической очевидности объекта его феноменология оказывается в известной степени вторичной – при анализе языкового материала он попадает в слепую зону (по логике перцептивного смещения внимания с целого на части).

Анализ метафорического материала на предшествующем этапе исследования позволил обнаружить большое количество метафорических моделей, отражающих структуру и коммуникативно значимые параметры речевой ситуации, и выявить в качестве центральных образы «манипуляции предметом» (*передать – получить информацию*), «физического взаимодействия» (*перекидывались словами*), «перемещения в пространстве» (*вступил в разговор, перешел к рассказу*)...

Однако за пределами описания и внимания

оказалась сама пространственная метафора, которая может быть сейчас осмыслена как одна из центральных, конкретизирующихся в разных направлениях и даже порождающих другие образы (вступающие с ними в системные отношения).

Сначала обратимся к анализу неметафорических средств репрезентации молчания в его соотношении с речью. Доминантным средством представления речевого события являются глагольные лексемы. Начало речи регулярно обозначается глаголом *заговорить* (после молчания). Фазовая сема указывает на начало речи. Семантика конечного предела передается часто аналитически: закончить речь, перестать говорить. Наряду с ними используется лексема *замолчать*. Интересно отметить, что в идентичных в деривационном отношении *заговорить* и *замолчать* актуализированы антонимичные семы: *заговорить* – 'начать' говорить, *замолчать* – 'закончить' говорить (не 'начать' молчать). В словарях у слова *замолчать* фиксируются значения «закончить говорить» [3], «прекращение бытия» [1].

Анализ системных отношений лексических единиц также обнаруживает актуализацию семы 'прекращение действия, бытия' – глагол *замолчать* синонимизируется с глаголами, содержащими ту же сему: *прекратиться, остановиться, заглохнуть, померкнуть, угаснуть*...

Следовательно, феноменологически речь оказывается более важной на фоне ее отсутствия, молчание же обычно не вызывает потребности в специальной актуализации.

Однако метафорическая репрезентация денотата обнаруживает стремление создать целостный образ представления звучащей речи, включающий репрезентацию взаимодействия речи – молчания. Наиболее адекватным представляется соотнесение этого образа с гештальтом не столько в лингвистическом, сколько в собственно психологическом смысле. Обратимые фигуры в исследованиях гештальтпсихологов (ваза Рубина и т. п.) актуализируют сложные взаимоотношения между фоном и фигурой. Аналогия представляется в достаточной степени адекватной и приводит к поиску репрезентации одного (центрального) или нескольких образов взаимодействия речи (фигуры) и не-речи, молчания (фона).

В поиске метафорического материала представлялось наиболее естественным обратиться прежде всего к анализу текстов, описывающих поэтическую речь, поскольку ритмизованность, вероятно, самое очевидное средство выделения человеческой речи из фона (молчания и даже других звуков). Кроме того, именно в поэзии актуализируется равная значимость паузы и слова (подобная равнозначность наблюдается в музыке и рационально рефлексируется в ее описаниях). Если проводить аналогию с гештальтом, поэтическая речь удовлетворяет всем принципам гештальтизма: близости, схожести, замкнутости, смежности, общей зоне (это может стать предметом специального рассмотрения).

Именно эти особенности актуализируются и в научных текстах, рационально и метафорически описывающих отличие поэтической речи от прозаической:

Художественная декламация значительно отличается от прозы в двух моментах. Во-первых, декламация стихов сглаживает отдельную обособленность на фоне общей выделенности стихотворения. Во-вторых, декламация увеличивает упорядоченность и ровность стихотворной речи на фоне разрозненной внестиховой (Википедия).

Однако более интересно метафорическое осмысление естественной речи на фоне молчания. На наш взгляд, для репрезентации этого фрагмента речевого события универсальным оказывается пластический код, пространственно-временной гештальт: речь (пластическая фигура) противопоставлена тишине (пустоте – «негативному пространству» живописи и скульптуры). Механизм параллелизма звуковой и пластической областей опирается на разновидность синестезии – синопсию, представляющую собой в данном случае визуализацию звука. А также на онтологическое сходство денотатов: речь имеет множество измерений, среди которых пространственное (письменный текст) и временное (звучащая речь).

Между тем не только письменная, но и устная речь может репрезентироваться пространственной метафорой (или метафорой вместилища):

Слова «ведь и если» – одно фонетическое слово. Оно произносится непрерывно, после него возможна «просторная пауза». В стихотворении, как утверждал сам поэт, иногда нужно «сделать остановку, иначе ритм оборвется...» (Сочинение о чтении стихотворения Маяковского);

Тишина регулярно мыслится как *пустота*:

Вместо пустоты в конце вопроса должно быть что-то, что вы знаете о человеке (Интернет-журнал). Началось чтение. Маленькие главки «Детства» с их заключительными абзацами он так изящно и ритмично отчеркивал голосом, что каждая пауза между ними ощущалась как наполненная пустота. Некоторые реплики произносил как сдержанное сокровенное признание (Эмма Герштейн). Слова-паразиты, или как их еще называют в английском – «fillers», помогают заполнить пустоту, паузы в разговоре (Интернет-журнал).

Или как пространство (вместилище):

Малиновский брёл среди верёвок, фанерных щитов, оставляя позади тишину, наполненную юмором и ленью (Сергей Довлатов). Прошло несколько совершенно пустых дней, кончилась одна неделя, началась другая, страшная тишина окружала Корнилова (Ю.О. Домбровский). Этот неясный свет наполнял душу тревогой. Тишина, стоявшая вокруг, нарушаемая лишь негромкими окликающими часовых, придавала какую-то особо томящую силу немому бледному огню (Василий Гроссман). Между нами повисла пауза неловкости, пауза интимного знания о его нездоровье, пауза изъяна. Между нами на столе стояла пластиковая открытая «таблетница» со множеством разноцветных горошин... (А. Ревякина). Повисла неловкая пауза, очень, впрочем, короткая, потому что тут же все заговорили разом, стараясь её заполнить (Дидактические материалы).

Эти концепты настолько сближены в языковом сознании (в большей степени феноменологически, чем онтологически обладают атрибутами недискретности, текучести, неоформленности, неявленности, имплицитности, стихийности), что лексическое варьирование этих образов часто аналогично: тишина/пустота заполняет пространство (комнату/душу); тишина/пустота проникает в комнату (каждую клетку тела/душу):

Временами он уходил во тьму, скрипела дверь, и тишина заполняла всю комнату. Девочке казалось, как будто она находится в вакууме (А. Мерзляков); Все ждали, что же будет дальше, тишина заполняла огромную комнату, и любопытство каждого заикаливалось (А. Дегтярев).

Важно отметить взаимодействие между двумя сопоставляемыми областями пространства и тишины: на фоне тишины как фигура может появ-

ляться речь и в одном ряду с ней физические (пластические) объекты:

Тишина стояла плотно, безраздельно, и в мире, казалось, не было ни степи, ни тумана, ни Волги, одна лишь тишина (В. Гроссман). *...в напряжённой звенящей тишине передвигался движением пантеры великий мастер* (С. Спивакова). *Не успел он произнести эту пошлую американскую похвалу, как вдруг кот шарахнулся в сторону и понёсся диким галопом со странными зигзагами. И в непонятной для этой неожиданной паники тишине промелькнула мягкая тень филина* (М. Валеева). *Отвечать совсем не хочется. Сейчас царит равновесие: не только внутри меня, но и вокруг господствуют пустота и тишина, и в эту тишину вторгается только стук колёс, доносящийся издали. – Это уже твой поезд, – говорит Маевский* (С. Ястребов). *Становится тихо. Среди тишины раздаётся глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно. Слышатся шаги. Из двери, что направо, показывается Фирс* (А.П. Чехов).

В двух последних контекстах представляется корректным осмыслить звуковые и предметные реалии, несмотря на их синтаксическую разведенность, как элементы одной картины (в последнем контексте конструкцию можно видеть как парцелированную).

А в следующем контексте наблюдается нерасчлененный образ отсутствия звука и элементов пространства:

Оштукатурены и покрашены только фасады, а во дворах – кирпичная тишина, поражающая древностью (Н. Зайцева).

Наряду с образом пустоты тишина может осмысляться как темнота:

Ночь бархатной тишиной покрыла Белый город. Не слышны были даже обычные взвизги заиграющих пар в рекреациях и закутках дворца (С. Осипов).

Нельзя не отметить регулярное взаимодействие в рамках одного контекста образов тишины, пустоты и темноты:

Местность вокруг была пустынной. Уже наступила ночь, и над ними в полной тишине висели крупные яркие звезды (Н. Александрова). *Я киваю, благодаря за известие* (С. Ястребов). *Была половина второго ночи, резко похолодало, в черной тишине шел густой медленный снег, засыпавший даже Садовое кольцо и поворот направо в Мишин переулок* (М. Зайчик). *После долгого спуска под ногами возникает твердый настил. На большой глубине тишина приобретает каменную плотность, как и темень. В них утыкаешься, будто в стену. Сейчас тишина и темень внушали подозрение* (В. Гоник).

Представляется логичным предположить, что регулярное повисла пауза/повисла тишина является производным от повисла темнота, иначе образ оказывается немотивированным или слабо мотивированным.

Можно предположить, что образ мотивирован орудийно (образом режущего предмета – ножа, топора) – отсюда обрубить фразу, срезать концовку речи и т.п. Однако соотношение молчания с образом темноты кажется более обоснованным. Более того, буквальное перенесение, на наш взгляд, осуществляется из исходной области «темнота» (повисла темнота → повисла тишина), для которой в свою очередь источником является образ пространства – темнота часто осознается как появляющийся в пространстве объект (темнота опустилась).

Стоит остановиться на анализе семантики лексемы висеть в подобных контекстах. В словаре Ушакова [4] фиксируются следующие значения:

«ВИСЕТЬ, вишу, висишь, несовер.

1. Быть прикрепленным к чему-нибудь в вертикальном положении, не упираясь основанием в землю, пол, твердую поверхность. *Лампа висит над столом.*

2. Быть прикрепленным к стене, наклепленным на какую-нибудь вертикальную поверхность. *Зеркало висит в прихожей. На двери висит объявление.*

3. Помещаться в чем-нибудь, что находится в висащем положении. *Канарейка висит в клетке.*

4. Свисать, ниспадать неровно, концами неодинаковой длины или ниже, чем нужно (о волосах, частях одежды; разг.). *Левая фалда висит.*

|| на ком-чем. Быть слишком просторным, не облегать тела (о платье; разг.). *Пиджак на тебе висит.*

5. над кем-чем. Выступать какой-нибудь частью, нависая. *Кусты висят над прудом. Утес висит над морем.* || перен. Угрожать своей близостью (книжн.). *Беда висит над головой.*

❖ Висеть на волоске, на ниточке – быть близким к гибели, разрушению, развалу. Висеть в воздухе – 1) находиться в неопределенном, шатком положении; 2) быть необоснованным».

Словарные определения содержат семантику пространственного расположения без опоры на земле (в фразеологизмах актуализирована как раз сема 'отсутствие опоры'). По всей видимости, именно это значение ненадежного закрепления положения предмета в воздухе актуализировано и в приведенных выше контекстах: метафора характеризует временное прекращение звучания, которое ожидаемо прервется звуком. В речевой ситуации такая пауза или тишина обычно ощущается как тяготящая:

В коридоре повисла пауза, большая похожая на темную и разбухшую грозовую тучу. Народ, почуяв интригу с драматической развязкой, затаив дыхание, интуитивно потянулся ближе к коридору из соседних комнат (Интернет-журнал). *В разговоре повисла пауза, во время которой каждый из них пытался вспомнить, из-за чего они поссорились...* (М. Милованов). *На той стороне разговора повисла пауза... – А! Дошло! Я вам тогда весной перезвоню; Вы все еще любите Ирину Владимиров-*

ну? На другом конце провода повисла пауза (А. Маринина). Но вот в беседе повисла пауза, и Александр Александрович понял, что пора **переходить** к главному (Радиопередача).

В последнем контексте не случайным представляется употребление моторного глагола. Метафора перемещения в пространстве – одна из центральных в представлении речевого события, она приложима, в первую очередь, к одному из аспектов речевой ситуации – к интерпретации логико-композиционной структуры высказывания. Однако моторные глаголы могут эксплицитно указывать на взаимодействие речи и ее отсутствия.

В ряде случаев это репрезентация краткой паузы:

– Ты, ты... – она **запнулась**, – ты читал *Венера*? (Д. Гранин); *Писарь, читавший объявления, споткнулся на фразе...* (М. Шолохов).

В других контекстах метафора перемещения в пространстве интерпретирует взаимодействие звучащей речи и ее отсутствия (паузы):

*Периодически в течение доклада можно **останавливаться**, а потом **продолжать путь**, делая небольшие **отступления** между аргументами; Информацию, сложную для восприятия, лучше перемежать **остановками** после каждой фразы (Интернет-журнал); Он помолчал и **вернулся** к речи; – Я слышал, вы говорили... – трудно произнес он и замолчал, **запнувшись**. – Тонко подмечено, – продолжил Саша. В хмелю он становился задиристым (Захар Прилепин).*

Здесь намечается взаимодействие между пространственной метафорой и метафорой перемещения в пространстве. По мнению Н.А. Илюхиной, «такой тип межобразных связей можно квалифицировать как отношения взаимной дополнительности, типичные для структурирования сложного

денотата посредством многих образов» [2]. Приведем только один показательный пример:

*Остановка, **пауза**. Оглушительная тишина внутри. И! ... глубинное ощущение – всё закончено! – Что всё? – в ответ **пустота** (Ю. Герс).*

Таким образом, если доминирующие языковые средства смещают акцент в область самой речи, то метафорическое осмысление взаимодействия речи и молчания онтологизирует оба феномена. Центральным для репрезентации этого аспекта речевого события является образ пространства, порождающий, прежде всего, соотнесение образов пустоты – темноты – тишины, а также образов пространства и его преодоления (перемещения в пространстве). Вероятно, можно усмотреть имплицитное присутствие образа пустоты (пространства) и в структуре метафорической модели манипулирования предметом (*перекинулись словами, передал информацию* и т.п.). То есть метафора пространства мыслится как рамочный образ для репрезентации речевого события.

Литература

1. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. – 576 с.
2. Илюхина, Н.А. О системности в образной картине мира: истоки межобразной синонимии в составе средств концептуализации эмоций / Н.А. Илюхина // Язык. Текст. Дискурс. – 2010. – № 8. – С. 73–83.
3. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, Российская АН, Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Рус. словари, 1994.

Кириллова Наталья Олеговна, кандидат филологических наук, доцент, Лениногорский филиал Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ (Лениногорск), nokirillova@mail.ru

Данилова Оксана Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры ЕНГД, Лениногорский филиал Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева-КАИ (Лениногорск), danilovao@mail.ru

Поступила в редакцию 12 мая 2020 г.

METAPHORICAL REPRESENTATION OF CONNECTION BETWEEN “SILENCE” AND “SPEECH”

N.O. Kirillova, nokirillova@mail.ru

O.L. Danilova, danilovao@mail.ru

Leninogorsk branch Kazan National Research Technical University
named after A.N. Tupolev-KAI, Leninogorsk, Russian Federation

The article is devoted to the interconnection of two fragments of a verbal situation – silence and speech. It describes their metaphorical representation, outlines directions for analysis of interaction between metaphoric images in denotatum. The emphasis in the study is shifted to the interpretation of silence. This is due to the fact that, with the ontological evidence of the denotative sphere of silence, its phenomenology is to a certain degree secondary and, as a result, less studied. The authors focus on metaphorical conceptualization of denotatum. In the article, the holistic way of presenting sounding speech, including a representation of the speech–silence interaction, correlates with reversible gestalt psychology figures, actualizing the complex relationship between the background and the figure. The analogy leads to the search for a representation of one (core) or several images of the interaction of speech (figure) and non-speech, silence (background). A spatial metaphor concretized in different directions and generating other images is considered a core image representing the interconnection of speech and silence. The logic of the study leads to the conclusion that while non-metaphorical language means shift the emphasis to the field of speech itself, a metaphorical understanding of the interaction of speech and silence ontologizes both phenomena. The image of space is crucial for the representation of this aspect of a speech event. It generates, first of all, correlation of the images of emptiness – darkness – silence as well as the images of space and its overcoming (moving in space).

Keywords: metaphorical modeling, gestalt, image, lexical system, speech event, silence, synopsis.

References

1. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoye opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Angliyskiye ekvivalenty* [Large explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. Synonyms. Antonyms. English equivalents. L.G. Babenko (Ed.). Moscow, Publishing AST-PRESS KNIGA, 2007. 576 p.
2. Ilyukhina N.A. [On systemicity in the figurative picture of the world: the origins of interfacial synonymy as part of the means of conceptualizing emotions]. *Yazyk. Tekst. Diskurs* [Language. Text. Diskurs]. 2010, no. 8, pp. 73–83. (in Russ.)
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, Publishing AZ, 1995. 928 p.
4. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]: v 4 t. D.N. Ushakov (Ed.). Moscow, Publishing Rus. slovari, 1994.

Natalya O. Kirillova, candidate of philological science, associate professor, Leninogorsk branch Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI, nokirillova@mail.ru

Oksana L. Danilova, candidate of philological science, associate professor, Leninogorsk branch Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev-KAI, danilovao@mail.ru

Received 12 May 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Кириллова, Н.О. Метафорическая репрезентация взаимосвязи молчания и речи / Н.О. Кириллова, О.Л. Данилова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2020. – Т. 17, № 3. – С. 11–15. DOI: 10.14529/ling200302

FOR CITATION

Kirillova N.O., Danilova O.L. Metaphorical Representation of Connection Between “Silence” and “Speech”. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2020, vol. 17, no. 3, pp. 11–15. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling200302